Моя Аннетт

Расцвести на руинах

Моя Аннетт
Расцвести на руинах

https://litres.ru/74928889

Аннотация

Я сутками собирала букеты в ледяном холодильнике, чтобы выплатить ипотеку, пока мой парень обещал сделать ремонт. В итоге он обустроил только надувной матрас, на котором я и застала его с другой.

ВАЖНО: Мини-роман будет доступен БЕСПЛАТНО только первые 2 дня после публикации! Успейте прочитать историю до перехода в платный статус.

ПОДПИШИСЬ, чтобы не пропустить выход новых глав, горячие новинки и эксклюзивные бонусы.

Оставшись одна в разгромленной бетонной коробке с сорванным краном, я думала, что моя жизнь рухнула. Но ночной вызов привел в мой дом Илью — мастера, который не обещает, а просто берет и чинит то, что сломано. Бывший уверен, что без него я пойду ко дну из-за долгов и проблем. Но он не учел одного: настоящие цветы способны прорасти даже сквозь бетонные руины, если рядом появится тот, кто станет надежным фундаментом.

Содержание

Глава 1. Бетон и шипы 4
Глава 2. Аварийный вызов 14
Глава 3. Чистовая работа 24
Глава 4. Заморозки 33
Глава 5. Скрытые дефекты 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Глава 1. Бетон и шипы

Девятое марта для флориста — это как утро первого января для всех остальных, только умноженное на десять. Это не просто похмелье. Это состояние, когда из тебя выкачали всю жизненную энергию, пропустили через промышленный шредер и бросили на обочине.

Я стояла в тамбуре пригородной электрички, прислонившись лбом к холодному, вибрирующему стеклу, и мечтала только об одном: чтобы гравитация перестала существовать. Мои ноги, затянутые в когда-то белые, а теперь грязно-серые кроссовки, гудели так, словно к ним привязали по гире.

Праздничная смена длилась тридцать шесть часов. Тридцать шесть часов в холодильнике при температуре плюс пять градусов.

Я посмотрела на свои руки и тихо выдохнула. Пальцы огрубели, кожа вокруг ногтей потрескалась, а подушечки были исколоты шипами роз до состояния дуршлага. Вчера один толстый шип эквадорской розы обломился прямо под кожей, и теперь безымянный палец дергало тупой, пульсирующей болью. Но хуже всего был запах. Он въелся в волосы, в кожу, в дешевую толстовку. Запах хлорки, которой мы мыли вазоны, прелой зелени, сладковатой гнили умирающих стеблей и резкого, бьющего по рецепторам эвкалипта.

Я пахла как русалка, которая слишком долго просидела в

болоте.

«Ничего, Лера, — сказала я себе, отлепляясь от стекла, когда двери с шипением разъехались. — Зато ты закрыла платеж по ипотеке на два месяца вперед».

Слово «ипотека» обычно вызывает панику, но для меня оно было синонимом слова «дом». Моя первая собственная квартира. Пусть это и крошечная однушка в бетонном гетто на окраине, где ветер завывает между высотками так, что закладывает уши. Зато моя. И Вадима.

Вадим… При мысли о нем внутри разлилось привычное, немного виноватое тепло. Мой парень, с которым мы вместе ввязались в эту авантюру. Вадим работал в строительной бригаде, и это казалось огромным плюсом. *«Лер, мы сэкономим кучу бабок, — говорил он полгода назад, обнимая меня на фоне голых серых стен. — Я сам всё сделаю. Зальем стяжку, кинем ламинат, будет конфетка, а не хата».*

Правда, за полгода «конфетка» так и осталась на стадии сурового полуфабриката. Вадим уставал на работе, жаловался на заказчиков, пил пиво на нашем единственном предмете мебели — двуспальном надувном матрасе — и просил «не пилить ему мозги». Я старалась не пилить. Я брала дополнительные смены, чтобы покупать сухие смеси, шпаклевку и провода, которые он просил. Я же понимающая. Я же поддерживающая.

Я вставила ключ в хлипкую китайскую дверь, которую мы установили как временную, и повернула замок.

В нос сразу ударил привычный запах цементной пыли. Я стянула кроссовки, морщась от боли в стертых пятках, и тихо прикрыла дверь. В квартире было темно, только из комнаты на серый бетонный пол падал прямоугольник тусклого света от уличного фонаря.

— Вадь? — негромко позвала я, ставя пакет с контейнером (я принесла ему остатки домашней лазаньи, которую готовила три дня назад). — Я дома.

Ответом мне была тишина. А потом — звук.

Странный, ритмичный скрип резины. Тот самый звук, который издавал наш дешевый надувной матрас, если на нем резко перевернуться.

Я замерла. В горле внезапно пересохло. Шаг. Еще один. Мои носки бесшумно скользили по бетонной крошке.

В комнате не было дверей, только пустой дверной проем. Я заглянула туда.

Сначала глаза отказывались складывать картинку воедино. Лунный свет выхватывал из полумрака мешки со штукатуркой, сложенные в углу, стремянку, ведро с засохшим валиком… и матрас.

На матрасе было два человека.

Я не закричала. Не устроила истерику, как в дешевых сериалах. У меня просто выключило звук. Знаете это чувство, когда падаешь во сне? Желудок делает кульбит, а сердце останавливается. Вот именно это со мной и произошло.

Девушка, сидевшая верхом на *моем*парне, резко оберну-

лась. Длинные осветленные волосы, накачанные губы, испуганный писк. Я не знала ее. Какая-то случайная девица. В воздухе, перебивая запах бетона, повисло удушливое облако приторных, дешевых духов — тяжелая сладкая подделка под модный парфюм, от которой у меня всегда начиналась мигрень.

— Твою мать! — Вадим дернулся, скидывая с себя девицу, и судорожно натянул спортивные штаны. Он не выглядел ни виноватым, ни раздавленным. Он выглядел злым.

— Вадим… — мой голос прозвучал так жалко, так надтреснуто, что я сама себя возненавидела. — Что… что это?

Девица, путаясь в пледе, который я покупала на распродаже с первой зарплаты, суетливо натягивала водолазку.

— Что это? — Вадим шагнул ко мне, застегивая ремень. Его лицо исказила гримаса раздражения. — А что ты ожидала увидеть, Лера? Ты на часы смотрела?

Я непонимающе моргнула.

— Моя смена закончилась. Нас отпустили раньше, потому что мы продали всё, даже сухие ветки.

— Отлично, — он нервно провел рукой по волосам. — Просто супер. А я, значит, должен сидеть в этой бетонной могиле и ждать, когда ты соизволишь приползти?

Я не верила своим ушам. Он что, сейчас делает виноватой меня?

— Ты спишь с другой бабой на нашем матрасе, в квартире, за которую я плачу ипотеку! — голос наконец-то проре-

зался, сорвавшись на хрип. Меня начало трясти. Руки дрожали так сильно, что пришлось сжать кулаки, впиваясь израненными ногтями в ладони.

— В твоей квартире? — Вадим криво усмехнулся. — Да кому нужна твоя халупа! Ты себя в зеркало видела?

Он шагнул ко мне. В этот момент девица, наконец справившаяся с одеждой, подскочила с матраса. Она сгребла с мешка со штукатуркой свою блестящую сумочку и куртку.

— Я... я пойду, Вадик, — пискнула она, пряча глаза.

Она боком, вжимаясь в пыльную бетонную стену, суетливо проскользнула мимо меня в коридор. В полутьме она споткнулась о мои кроссовки, тихо ойкнула, судорожно всунула ноги в свои ботинки, даже не завязывая шнурков, и торопливо защелкала замком входной двери. Глухой хлопок. Мы остались одни.

— Посмотри на себя, Лера, — Вадим брезгливо сморщил нос, словно ничего не произошло. — От тебя несет сыростью, как от кикиморы. Ты пахнешь болотом и гнилью. С тобой находиться рядом тошно. Ты же вечно уставшая! У тебя одно лицо — мученическое. «Ой, у меня ножки болят, ой, я на ногах двенадцать часов». Я мужик! Я работаю руками! Я прихожу домой, и что я вижу? Зомби в трениках!

Каждое его слово было как удар под дых. Я стояла, глотая ртом прохладный пыльный воздух, и чувствовала, как внутри рушится что-то фундаментальное. Моя вера. Моя наивность. Мой идеальный план на жизнь, который я строила по

кирпичику.

— Так уходи, — прошептала я. Горло саднило, слезы подступили к глазам, но я запретила себе плакать. Только не перед ним. — Собирай свои вещи и уходи.

— Да с удовольствием! — рявкнул он.

Вадим метнулся в угол. Схватил свою спортивную сумку, начал яростно швырять туда футболки, носки, бритву. Потом подошел к инструментам. Поднял свой дорогой перфоратор, посмотрел на него, потом на меня.

— Это моё, — процедил он, запихивая инструмент в чехол. — И лазерный уровень тоже мой.

— Я давала тебе на него деньги, — тихо сказала я.

— Это была плата за мою работу! — огрызнулся Вадим. — Скажи спасибо, что я вообще здесь стены выровнял. Сама бы ты тут сгнила. Ремонтируй дальше сама, бизнесвумен хренова.

Он закинул сумку на плечо, подхватил чемоданчик с перфоратором и направился к выходу. Проходя мимо меня, он намеренно задел меня плечом. Я пошатнулась, но устояла.

— Счастливо оставаться в твоем бетоне, — бросил он напоследок.

Дверь захлопнулась. Лязгнул замок.

Тишина, обрушившаяся на квартиру, была оглушающей. Я осталась стоять в полутемном коридоре. Медленно, словно во сне, я сползла по шершавой стене вниз, прямо на холодный пол. Бетонная крошка впилась в бедра через тонкую

ткань спортивных штанов, но я даже не поморщилась.

Я подтянула колени к груди и обхватила их руками.

Вот и всё. Нет никакого «мы». Нет никакого будущего в уютной квартире с бежевыми стенами и запахом корицы. Есть только я, ипотека на тридцать лет, недоделанный ремонт, который съел все мои сбережения, и предательство, от которого тошнило.

Я уткнулась лицом в колени. Запах болота. Он сказал, я пахну болотом. Я так старалась заработать нам на нормальную жизнь, что превратилась в нечто отвратительное даже для самой себя.

Первая слеза, горячая и злая, скатилась по щеке, оставляя чистую дорожку на слое серой пыли. Я позволила себе заплакать. Тихо, беззвучно, просто выпуская из себя тугую пружину напряжения последних недель.

Я просидела так, наверное, минут двадцать. Холод от бетона начал пробираться под одежду, замораживая поясницу. Надо было встать. Надо было пойти в ванную, смыть с себя этот день, эту грязь, этот запах чужих духов, который все еще висел в воздухе.

Я оперлась о стену, кряхтя, как старушка, и поднялась на ноги.

Ванная комната была самым болезненным местом в квартире. Вадим разворотил там всё, снял старую плитку, обнажив кирпичную кладку, но до новых труб дело так и не дошло. Вместо нормального крана из стены торчали два пла-

стиковых отвода, к одному из которых был наспех прикручен временный шаровый кран с куском шланга.

Я щелкнула выключателем. Тусклая лампочка Ильича, свисающая с потолка на одиноком проводе, моргнула и залила помещение желтушным светом.

Я подошла к раковине — точнее, к грязному пластиковому тазу, который стоял на табуретке под краном. Протянула руку к вентилю.

И в этот момент раздался звук.

Резкий, громкий треск, похожий на выстрел игрушечного пистолета.

Я даже не успела понять, что произошло. Пластиковый отвод, на котором держался кран, просто лопнул по шву. Временный вентиль с силой отлетел в стену, сбив кусок штукатурки.

Из обрубленной трубы в стене под бешеным напором ударила толстая струя ледяной воды.

— Твою мать! — закричала я, отскакивая назад.

Вода с ревом била прямо в противоположную стену, рикошетила от нее и водопадом обрушивалась на пол. За секунды бетон под ногами потемнел. Ледяная лужа мгновенно пропитала мои носки.

— Нет, нет, нет! — в панике заголосила я, бросаясь к трубе.

Я попыталась заткнуть хлещущую дыру руками. Ледяная вода ударила по изрезанным шипами ладоням так, что я

взвыла от боли. Напор был такой силы, что мои руки просто отбрасывало. Вода брызгала в лицо, заливала глаза, текла за шиворот толстовки. От холода перехватило дыхание.

— Перекрыть! Надо перекрыть стояк!

Я заметалась по ванной, поскальзываясь на мокрой бетонной пыли, которая на глазах превращалась в серую склизкую грязь. Где вентиль? Где этот чертов главный вентиль?!

Я упала на колени, шаря руками в нише под трубами, куда Вадим свалил пустые мешки от смесей и какие-то обрезки пластика. В темноте, сквозь пелену ледяной воды, я судорожно разгребала этот мусор. Вода прибывала с катастрофической скоростью. Она уже доходила мне до щиколоток.

В нашем доме, в этом дешевом человевейнике, гидроизоляции не было от слова «совсем». Если вода выйдет за пределы ванной, она за минуту просочится сквозь плиты перекрытия. Под нами жили соседи, которые только на прошлой неделе закончили свежий ремонт. Они выставят мне счет, за который я не расплачусь до конца жизни.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! — шептала я, дрожа от пронизывающего холода и отчаяния.

Пальцы наконец нащупали металл. Вентиль!

Я ухватилась за ржавую бабочку крана и изо всех сил дернула ее вправо. Ни с места. Я стиснула зубы, обдирая кожу на ладонях, и навалилась всем весом. Металл даже не скрипнул. Кран заклинило намертво.

Вода с гулом продолжала хлестать из стены, заливая пол,

мои ноги и остатки моей разрушенной жизни. Лужа уже пересекла порог ванной комнаты и медленно, неумолимо поползла в коридор.

Я сидела на коленях в ледяной луже грязи, мокрая насквозь, задыхаясь от паники, и понимала: это конец. Я тону.

**********❤#❤#❤#**********

######Мои дорогие, я буду Вам очень признательна, если Вы подпишетесь на меня и прокомментируйте данный роман, для меня это очень важно.######

**********❤#❤#❤#**********

Глава 2. Аварийный вызов

Ледяная вода оказалась не просто холодной. Она была обжигающей. Казалось, тысячи мелких игл впиваются в кожу, замораживая кровь в венах. Я стояла на коленях в стремительно расширяющейся луже, судорожно вцепившись побелевшими пальцами в ржавый вентиль стояка.

— Ну же! Давай! — я навалилась всем весом, изодрав кожу на ладонях о жесткий металл.

Бесполезно. Вентиль прикипел намертво.

Вода с гулом била из обломанной трубы в стене, рикошетила от потолка и обрушивалась на меня водопадом. Серые спортивные штаны промокли насквозь и липли к ногам. Бетонная пыль превратилась в склизкую, чавкающую жижу.

Паника, липкая и удушливая, подкатила к горлу. Я задохнулась от очередного залпа брызг в лицо. Подо мной жили соседи. Семейная пара, которая только месяц назад закончила ремонт. У них там, кажется, был дубовый паркет. Или ламинат? Какая разница! Суть в том, что счет за этот паркет я буду оплачивать до пенсии.

— Думай, Лера, думай, — шептала я, стуча зубами.

Я отползла назад, поскальзываясь в грязи, и выскочила в коридор. Схватила телефон, брошенный на мешок с сухой смесью. Экран послушно засветился, выхватив из полумрака мое перекошенное от ужаса лицо. Пальцы тряслись так, что

я трижды ввела пароль неправильно.

Приложение. Мастера. Сантехники. Аварийный вызов.

«Приеду за 15 минут. Круглосуточно. От 2000 рублей», — гласило первое попавшееся объявление.

Я даже не стала читать отзывы. Я просто нажала на кнопку вызова.

— Да? — раздался в трубке низкий, чуть хриплый мужской голос. Никакой заспанности, хотя на часах был первый час ночи.

— П-пожалуйста, — я не узнала свой голос. Он сорвался на жалкий, скулящий писк. — У меня трубу прорвало. Стояк не перекрывается. Я вас умоляю, быстрее!

— Адрес? — коротко спросил он, без лишних «аханий» и уточняющих вопросов.

Я продиктовала улицу и дом, путаясь в цифрах.

— Буду через десять минут. Положите тряпки к порогу, чтобы вода не пошла в подъезд. Ждите.

Короткие гудки.

Десять минут. Это целая вечность, когда ты тонешь в собственной квартире.

Я заметалась по комнате. Тряпки! Где взять тряпки?! Вадим забрал почти всё, что не было приколочено, а то, что осталось, было погребено под слоем строительного мусора. Я бросилась к своему чемодану, выпотрошила его прямо на пол. В дело пошло всё: старые полотенца, запасные джинсы, любимый вязаный свитер. Я швыряла одежду в коридор, пы-

таясь соорудить баррикаду на пути у воды.

Вода не сдавалась. Она медленно, но верно подбиралась к порогу входной двери.

Я сидела на корточках, прижимая намокший свитер к полу, и плакала. От холода, от бессилия, от того, что моя жизнь превратилась в этот грязный, ледяной потоп.

Резкий звонок в дверь заставил меня подпрыгнуть.

Я рванула ручку на себя.

На пороге стоял мужчина. Высокий. Широкоплечий. В темно-серой рабочей куртке с множеством карманов. В одной руке — массивный пластиковый чемодан с инструментами, в другой — мощный фонарик.

Я, наверное, представляла собой жалкое зрелище: мокрая насквозь, с прилипшими к лицу волосами, размазанной тушью и трясущимися губами.

Он не стал разглядывать меня или ужасаться бардаку в коридоре. Его взгляд, цепкий и спокойный, мгновенно оценил обстановку.

— Где стояк? — спросил он, перешагивая через мою баррикаду из мокрой одежды.

— Т-там. В ванной. Но вентиль заклинило! Я пробовала, он не…

Он не стал дослушивать. В несколько широких шагов пересек коридор и скрылся в ванной. Я услышала, как щелкнули замки его чемодана.

Я замерла в коридоре, прижав руки к груди. Секунда. Две.

Три. Звук хлещущей воды вдруг стал тише. А потом и вовсе исчез.

Наступила звенящая тишина. Только капли тяжело падали с потолка в образовавшуюся лужу.

Я медленно подошла к дверному проему.

Мастер стоял на коленях у развороченной стены. Он был абсолютно спокоен. В свете фонарика, который он закрепил на трубе, я видела его профиль: жесткая линия челюсти, темная щетина, сведенные к переносице брови. Он не суетился. Его движения были точными и уверенными.

— Перекрыл? — выдохнула я, не веря своим глазам.

— Угу, — он поднялся, отряхивая колени. — Вентиль заклинило. Пришлось немного помочь ему ключом. Но кран вам придется менять. Этот ремонту не подлежит.

Он повернулся ко мне. Свет фонарика мазнул по его лицу. Темные, внимательные глаза окинули меня с ног до головы. Я инстинктивно обхватила себя руками, пытаясь скрыть дрожь. Мне стало стыдно. Стыдно за свой вид, за эту разруху, за то, что в моей квартире всё через одно место.

— Спасибо, — пролепетала я, чувствуя, как зуб не попадает на зуб. — Я... я сейчас переведу вам деньги. Сколько я должна?

Он ничего не ответил. Вместо этого он шагнул в коридор, поднял свой чемодан и открыл верхний отсек. Достал оттуда небольшой металлический термос и пластиковый стаканчик.

Отвинтил крышку. В воздухе тут же разлился густой,

терпкий аромат черного чая с чабрецом и чем-то еще, неуловимо теплым. Он налил дымящуюся жидкость в стаканчик и протянул мне.

— Держи.

Я замерла, недоверчиво глядя на стаканчик.

— Пей, говорю, — его голос прозвучал мягче, но с той ноткой приказа, которой хочется подчиниться. — А то воспаление легких подхватишь в этой сырости.

Я неуверенно протянула руку. Мои пальцы, синие от холода и изрезанные шипами роз, мелко дрожали. Он на секунду задержал свой взгляд на моих руках, на глубоких царапинах вокруг ногтей, но промолчал. Когда я взяла стаканчик, наши пальцы случайно соприкоснулись. Его кожа была сухой, мозолистой и обжигающе горячей.

Я сделала глоток. Горячий чай обжег горло, но тут же распустился внутри спасительным теплом. Я закрыла глаза, чувствуя, как перестает сводить судорогой челюсть.

— Спасибо, — еще раз прошептала я.

— Иди переоденься во что-нибудь сухое, — сказал он, отворачиваясь к стене. — А я пока посмотрю, что тут у вас можно сделать.

— У меня нет сухой одежды, — горько усмехнулась я, кивая на баррикаду из вещей в луже. — Почти всё пошло на тряпки.

Он обернулся, посмотрел на размокший свитер, потом на меня. Вздохнул. Расстегнул молнию на своей куртке. Под

ней оказалась чистая, плотная фланелевая рубашка в крупную клетку. Он снял куртку, повесил ее на стремянку, а затем стянул с себя рубашку. Оставшись в одной серой футболке, он протянул фланель мне.

— Надень. Она сухая.

— Я не могу… — начала я, краснея от смущения.

— Можешь, — отрезал он. — Иди в комнату. Я пока начну воду собирать.

Я не стала спорить. Развернулась и ушла в комнату, где на полу сиротливо лежал сдувающийся надувной матрас — немой свидетель моего недавнего унижения. Стянув мокрую, ледяную толстовку и штаны, я быстро натянула его рубашку. Она была мне огромной, доходила почти до колен, как платье. Но главное — она была сухой. Ткань хранила тепло его тела и едва уловимо пахла древесной стружкой и хорошим табаком. Этот запах странным образом успокаивал.

Когда я вернулась в коридор, мастер уже орудовал промышленным пылесосом-водососом, который он, видимо, притащил из машины. Серая жижа на глазах исчезала с бетона.

Я стояла в дверном проеме, закутавшись в огромную рубашку, и смотрела на него. Вадим бы уже сто раз обматерил меня, трубы, строителей и весь мир. Он бы швырнул инструменты и заявил, что «в таких условиях работать невозможно».

А этот человек просто делал свое дело. Молча. Быстро.

Эффективно.

Минут через двадцать пол в ванной и коридоре был практически сухим. Мастер выключил пылесос, вытер руки ветошью и снова включил свой мощный фонарь, направляя луч на развороченную стену в ванной.

Я подошла ближе, сжимая в руках пустой стаканчик из-под чая.

— Всё очень плохо? — спросила я, с замиранием сердца глядя на торчащие из стены трубы.

Он долго молчал, водя лучом света по неровной кирпичной кладке и кускам бетона, которые обнажились после того, как Вадим сбил старую плитку.

— Кто вам это делал? — наконец спросил он, не поворачиваясь ко мне. Тон был ровным, но в нем проскользнула холодная сталь профессионального возмущения.

— Бывший парень, — тихо ответила я, опустив глаза. — Он строитель. Обещал сделать ремонт.

Мастер фыркнул. Коротко и зло.

— Он не строитель. Он вредитель, — мастер выключил фонарь и повернулся ко мне. Лицо его было мрачным. — Временный кран он посадил на самую дешевую фум-ленту, да еще и перетянул резьбу. Пластик просто лопнул от давления. Это было вопросом времени.

— Я поняла, — вздохнула я, чувствуя, как наваливается усталость. — Сколько будет стоить заменить трубы?

Он посмотрел на меня. Взгляд стал тяжелым, почти давя-

щим.

— Заменить трубы — это полбеды, — медленно произнес он. Он поднял руку и постучал костяшками пальцев по кирпичной кладке. Звук был глухим и каким-то пустым. — Проблема в другом.

Я напряглась. Сердце снова забилось где-то в горле.

— В чем?

Мастер снова включил фонарь и направил луч вверх, под самый потолок.

— Ваш парень, когда сбивал плитку, решил заодно «расширить пространство», — он указал на глубокую борозду в стене, где виднелась стальная арматура. — Он проштробил несущую стену. Горизонтально. Почти на три метра в длину.

— И… и что это значит? — мой голос снова дрогнул. Я ничего не понимала в ремонтах, но слово «несущая» звучало пугающе.

Мастер вздохнул, убирая фонарь.

— Это значит, что он нарушил целостность конструкции. Вон там, — он махнул рукой в угол, — уже пошла микротрещина. Дом новый, он еще дает усадку. Если срочно не поставить металлические уголки и не укрепить стену, эта трещина пойдет дальше. Сначала на потолок, потом к соседям. В худшем случае — стена просто сложится.

У меня потемнело в глазах. Сложится стена. Соседи. Трещина на весь дом.

Я прислонилась спиной к дверному косяку, чувствуя, как

ноги становятся ватными. Все мои сбережения, все сверхурочные смены, все эти изрезанные шипами руки — всё это ушло в никуда. В эту чертову дыру в несущей стене.

— Сколько? — выдавила я, глядя в пол. — Сколько это стоит? Укрепление. Трубы. Всё.

Мастер молчал несколько долгих секунд. Я была готова услышать сумму с пятью нулями. Сумму, из-за которой мне придется продать почку.

— Я могу сделать временное усиление прямо сейчас, — его голос прозвучал неожиданно спокойно, словно он говорил о замене лампочки. — У меня в машине есть швеллеры и сварка. Это остановит трещину. Завтра купим материал и сделаем капитально. За работу возьму по среднему прайсу. Без накруток за экстренность.

Я подняла на него глаза. Он смотрел прямо на меня, не отводя взгляда. В его глазах не было жалости. Только спокойная, уверенная констатация факта. Он видел проблему и знал, как ее решить.

— Почему? — вырвалось у меня.

— Что «почему»? — он слегка нахмурился.

— Почему без накруток? Сейчас два часа ночи.

Он пожал плечами, собирая инструменты обратно в чемодан.

— Потому что я вижу, что вас и так уже достаточно наказали, — сухо ответил он. Захлопнул чемодан и посмотрел на меня. — Меня Илья зовут, кстати. Идите оденьтесь потеп-

лее. Я за материалом в машину. Начинаем работать.

Глава 3. Чистовая работа

Следующие двое суток слились для меня в один бесконечный, размытый по краям день сурка. Март решил отыграться за бесснежную зиму, и на город обрушился ледяной, промозглый ливень со снегом. В цветочном магазине было немногим теплее, чем на улице. Я стояла в холодильной камере, обнимая охапки хрупких, дрожащих от сквозняка тюльпанов, и чувствовала, как холод пробирается под кожу, прямо к костям.

Смена выдалась адской. После праздников начался сезон свадебных предзаказов и корпоративных извинений. Я резала стебли, колола пальцы, улыбалась клиенткам, которые придирчиво выбирали оттенок пионовидных роз под цвет своих сумочек, а в голове билась только одна мысль: стена. Трещина. Долг.

Илья, мастер, которого мне послало то ли само провидение, то ли сжалившийся алгоритм приложения, взял ключи от моей квартиры на следующее утро после потопа. Я отдала их без страха. Честно говоря, мне было уже всё равно. Если бы он вынес оттуда мой сдутый матрас и ведро со шпаклевкой, я бы даже не расстроилась. Но он сказал, что привезет металл для укрепления стены и начнет работу.

Я возвращалась домой на подгибающихся ногах. В желудке со вчерашнего вечера плескался только горький кофе из

автомата да пара кусков черствого печенья. Подходя к своей металлической двери на этаже, я морально готовилась к привычной картине: слои серой пыли в воздухе, от которых першит в горле, раскиданные окурки, горы мусора и оглушающий звук перфоратора. Вадим всегда говорил, что «стройка — это грязный процесс, привыкай, принцесса».

Я вставила ключ в замок. Повернула. Толкнула дверь и… замерла на пороге.

В нос не ударил запах сырой цементной пыли. Пахло чем-то свежим, чуть сладковатым — качественной грунтовкой, и… едой? Настоящей, теплой едой.

Я неуверенно шагнула внутрь и стянула мокрые кроссовки. В коридоре было чисто. Нет, не так. Здесь было *стерильно*по меркам ремонта. Серый бетонный пол был тщательно пропылесошен. Мешки со смесями, которые Вадим бросал где попало, теперь аккуратно громоздились в одном углу, накрытые плотной пленкой.

Но главное — свет. Вместо слепящего строительного прожектора, от которого у меня всегда болели глаза и который выхватывал каждую неровность стен, делая квартиру похожей на комнату для допросов, под потолком висела гирлянда из нескольких обычных лампочек. Они давали мягкий, теплый, желтоватый свет. Квартира вдруг перестала казаться бетонной могилой.

Из ванной донесся ровный гул шуруповерта. Я прошла вперед, стягивая на ходу влажную куртку.

Илья стоял на небольшой металлической стремянке спиной ко мне. На нем были чистые рабочие штаны цвета хаки и облегающая черная футболка, сквозь которую угадывался рельеф широкой спины. Он монтировал над развороченной стеной тяжелый металлический швеллер. Каждое его движение было выверенным, скупым на лишние жесты. Никакой суеты. Никакого мата сквозь зубы, когда саморез не идет в бетон.

Я невольно залюбовалась тем, как напрягаются мышцы на его руках.

Шуруповерт смолк. Илья смахнул пыль с плеча, обернулся и посмотрел на меня.

— Добрый вечер, — его голос, низкий и спокойный, прозвучал в тишине квартиры как-то особенно уютно. — Рано вы сегодня.

— Смену закрыли пораньше, — я обхватила себя руками, вдруг почувствовав неловкость за свой помятый вид. Волосы растрепались, на щеке наверняка отпечатался след от свитера, в который я куталась в электричке. — А вы… то есть ты… тут так чисто.

Илья спустился со стремянки. Он отложил инструмент в свой идеальный, рассортированный по ячейкам кейс и щелкнул замками.

— Строительная пыль убивает легкие, — пожал он плечами. — Плюс, если грязно, инструмент выходит из строя. Я привык убирать за собой рабочее место. Стена укреплена.

Трещина дальше не пойдет. Завтра начну зашивать всё коробом.

Он говорил это так буднично, словно спас мою квартиру (и мою жизнь от многомиллионного иска соседей) между делом.

— Спасибо, — я выдохнула, чувствуя, как с плеч падает огромный бетонный блок. — Я переведу тебе аванс сегодня вечером.

Илья внимательно посмотрел на меня. Его темные глаза, казалось, сканировали меня насквозь, подмечая и синяки под глазами, и дрожащие от усталости плечи, и то, как я прячу израненные руки в карманы джинсов.

— Деньги подождут, — коротко бросил он. Он прошел в комнату, где из листа фанеры и двух строительных козлов соорудил импровизированный стол. — Иди мой руки. На кухне, я там временный кран поставил на раковину. Только нормальный, не тот пластиковый кошмар.

Я послушно поплелась на кухню. Там действительно блестел новенький, простенький, но надежный металлический смеситель. Из него текла теплая вода. Господи, *теплая вода*! Я чуть не расплакалась от этого забытого ощущения.

Когда я вернулась в комнату, на фанерном столе стоял пластиковый контейнер, от которого шел умопомрачительный пар. Рядом лежал нарезанный свежий хлеб и стояли два стакана с тем самым чаем из термоса.

— Садись, — Илья пододвинул ко мне перевернутое пла-

стиковое ведро из-под краски, на которое был заботливо положен кусок чистого пеноплекса, чтобы было мягко сидеть. Сам он сел напротив на свою стремянку.

Я недоверчиво посмотрела на еду. В контейнере была горячая гречка с внушительным куском запеченной курицы в специях.

— Ты не обязан меня кормить, — пробормотала я, хотя живот предательски и очень громко заурчал, сдавая меня с потрохами.

— Ешь, Лера, — в его голосе снова прорезалась та самая мягкая командирская нотка. — Ты бледная как стена, которую я еще не загрунтовал. Упадешь в обморок, а мне тебя ловить. Мне за это не доплачивают.

Я робко взяла пластиковую вилку. Первый кусок показался мне пищей богов. Мясо таяло во рту, специи согревали изнутри. Я ела торопливо, почти не жуя, забыв про манеры и стеснение. Илья ел молча, не сводя с меня задумчивого взгляда.

— Вадим… мой бывший… — неожиданно для себя заговорила я с набитым ртом, пытаясь заполнить тишину. — Он говорил, что ремонт невозможно делать чисто. Что это творческий хаос. А порядок — удел душнил.

Илья усмехнулся. В уголках его глаз собрались лучики морщин.

— Творческий хаос — это отмазка для рукожопов, Лера, — спокойно ответил он. — Если человек не может организо-

вать свое пространство, он не может организовать и рабочий процесс. Твой Вадим просто ленивый пацан, который играл в строителя.

Меня кольнуло его слово «твой».

— Он уже не мой.

— Вот и славно, — Илья допил чай и поставил стакан. — Меньше мусора выносить придется.

Я тихо рассмеялась. Впервые за эти кошмарные недели мне стало легко. Просто и легко. Я смотрела на этого крупного, спокойного мужчину с легкой щетиной и мозолистыми руками, и не могла понять, как в нем уживается такая брутальность с таким вниманием к деталям.

— Ты много работаешь? — спросил он, кивнув на мои руки, которые я положила на стол.

Я рефлекторно попыталась спрятать их, но он мягко перехватил мое запястье. Его пальцы, сухие и горячие, скользнули по моей коже. От этого прикосновения по руке побежали мурашки. Илья перевернул мою ладонь. Кожа вокруг ногтей была воспалена, подушечки пальцев испещрены мелкими красными точками — следами от шипов, а на указательном красовался глубокий порез от флористического ножа.

— Я флорист, — тихо сказала я, глядя на его большие пальцы, бережно удерживающие мою ладонь. — Праздники. Много заказов. Приходится зачищать сотни стеблей роз в день. А они колючие. Да еще и вода в вазонах ледяная.

Он долго смотрел на мои руки. Его брови сошлись на пе-

реносице.

— Я видел таких, как ты, — произнес он, не отпуская мою руку. — Тянешь всё на себе. Ипотеку, ремонт, парня, который сидит на шее. Стараешься быть удобной. А сама стираешься в пыль.

— Я просто хотела, чтобы у нас был дом, — мой голос дрогнул. Обида, которую я старательно прятала глубоко внутри, вдруг подступила к горлу. — Я думала, если я буду больше работать, он оценит.

— Запомни одну вещь, — Илья поднял на меня глаза. В них не было жалости, только жесткая, отрезвляющая правда. — Мужчины не ценят жертвенность. Они ценят, когда женщина ценит саму себя. Если ты позволяешь вытирать об себя ноги и жить в свинарнике, к тебе так и будут относиться.

Его слова ударили наотмашь. Больно, но честно. Я выдернула руку, чувствуя, как к щекам приливает краска.

Илья не стал развивать тему. Он просто сунул руку в карман своих рабочих штанов, достал оттуда небольшой металлический тюбик и положил передо мной на фанеру.

— Что это? — шмыгнула я носом.

— Аптечная мазь. Заживляющая, с антибиотиком. Мажь на ночь густым слоем. Завтра порезы затянутся. И купи себе нормальные перчатки, ради бога. Розы того не стоят.

Он встал, сгреб пустые контейнеры в мусорный пакет.

— Я на сегодня всё. Завтра приеду к десяти. Постарайся выспаться.

— Я помогу тебе убрать инструмент, — я вскочила с ведра, чувствуя вину за то, что сижу тут, пока он собирается.

Я шагнула к стремянке, на верхней ступеньке которой лежал тяжелый лазерный уровень. Потянулась за ним. Но ноги, затекшие после тяжелой смены и долгого сидения, предательски подкосились. Носок кроссовка зацепился за край защитной пленки, которой был накрыт пол.

Мир резко накренился. Я взмахнула руками, понимая, что сейчас полечу прямо на бетон, собрав лицом все металлические профили.

Но удара не последовало.

Сильные руки перехватили меня на лету. Илья рванулся ко мне с такой скоростью, что я даже не успела испугаться. Одна его рука жестко легла мне на талию, впечатав в его твердое тело, а вторая перехватила за плечо.

Я повисла на нем, тяжело дыша. Мои ладони рефлекторно уперлись в его грудь. Сквозь тонкую ткань футболки я чувствовала, как быстро и мощно бьется его сердце. Жар от его тела мгновенно окутал меня.

Я подняла голову. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я видела каждую черточку, каждую тень от ресниц в теплом свете ламп. От него пахло древесной стружкой, терпким мужским парфюмом и свежим, морозным воздухом.

Он не отпускал меня. Его пальцы на моей талии чуть сжались. Взгляд темных глаз стал тяжелым, почти осязаемым.

Он скользнул по моим губам, затем поднялся к глазам.

Воздух в комнате вдруг стал густым и наэлектризованным. Я перестала дышать. Между нами возникло то самое тягучее, одуряющее напряжение, когда одна секунда растягивается в вечность, и ты понимаешь, что сейчас произойдет то, что изменит всё. Я чуть подалась вперед, словно под гипнозом. Мои губы приоткрылись.

Илья шумно выдохнул, его взгляд потемнел. Он медленно склонил голову...

Бам! Бам! Бам!

Оглушительный грохот по металлической входной двери разорвал тишину квартиры, как взрыв. Я вздрогнула и отшатнулась от Ильи.

Бам! Бам! Бам!

— Лера! Открывай, твою мать! — донесся из-за двери искаженный злобой и, кажется, алкоголем голос Вадима. Дернулась ручка. Замок жалобно лязгнул. — Я знаю, что ты там! Открывай, мне надо забрать мои вещи!

Я замерла, чувствуя, как остатки тепла мгновенно испаряются, а внутри всё сковывает липкий, тошнотворный ужас. Прошлое вернулось. И оно пыталось выбить мою дверь.

Глава 4. Заморозки

Бам! Бам! Бам!

Дверь содрогалась так, словно в нее били тараном. Я стояла ни жива ни мертва, прижатая спиной к груди Ильи. Еще секунду назад мир сжимался до его темных глаз и горячего дыхания на моих губах, а теперь реальность ворвалась обратно, обдав ледяным ужасом.

— Открывай, Лера! Хуже будет! — голос Вадима, пьяный и визгливый, эхом разносился по подъезду.

Я дернулась, инстинктивно пытаясь отстраниться, спрятаться, забиться в угол. Но руки Ильи, жестко фиксировавшие мою талию и плечо, не шелохнулись. Он не выпустил меня. Только его взгляд мгновенно изменился: поволока и тяжесть исчезли, сменившись холодной, хищной собранностью.

— Кто это? — тихо спросил он. Его голос даже не дрогнул.

— Вадим. Бывший, — прошептала я одними губами. Сердце колотилось о ребра так, что было больно дышать. — Он пьян.

Илья медленно разжал руки. Тепло его тела исчезло, и меня тут же зазнобило. Он шагнул к двери, отодвинув меня себе за спину, словно я была хрустальной вазой, которую могли разбить.

— Стой здесь, — бросил он через плечо.

Щелкнул замок. Илья распахнул дверь.

Вадим ввалился в коридор, едва не потеряв равновесие. От него разило дешевым коньяком, сигаретами и сыростью подъезда. Увидев перед собой не меня, а высокую, широкоплечую фигуру в черной футболке, он на секунду опешил. Его мутный взгляд сфокусировался на Илье.

— А ты кто такой, твою мать? — Вадим пьяно хохотнул, выпячивая грудь. — Лерка, ты уже нового хахаля на мой матрас притащила? Быстро ты утешилась, страдалица!

— Пошел вон отсюда, — мой голос сорвался. Я выглянула из-за плеча Ильи, чувствуя, как от злости и стыда горят щеки. — Убирайся, Вадим! Здесь нет ничего твоего.

— Заткнись! — рявкнул он, делая шаг вперед, прямо на Илью. — Я пришел за своими вещами. Там в углу лежат бухты дорогого кабеля, умные розетки и гидроизоляция. Я это всё покупал!

— Ты покупал это на мои деньги! — задохнулась я от такой наглости. Я брала подработки полтора месяца, чтобы оплатить этот счет из строительного гипермаркета.

— Чеки у меня на электронной почте, значит, мое, — ухмыльнулся Вадим, пытаясь обогнуть Илью и протиснуться в комнату. — А ну, с дороги, работяга. Дай пройти, пока я тебе кабину не снес.

То, что произошло дальше, было настолько быстрым, что я едва успела моргнуть.

Илья не стал кричать. Не стал вступать в базарную пе-

репалку. Он просто шагнул навстречу Вадиму. Его большая, тяжелая рука с мозолистыми пальцами легла Вадиму на грудь, прямо на куртку, и с силой толкнула назад, в подъезд.

Вадим отлетел к стене тамбура, глухо ударившись затылком.

— Ты че, больной?! — взвизгнул бывший, пытаясь дернуться вперед.

Но Илья шагнул за порог. Он навис над Вадимом, как гранитная скала. Я видела только напряженную спину Ильи и то, как вздулись вены на его предплечьях.

— Слушай меня внимательно, мальчик, — голос Ильи упал до угрожающего, рокочущего шепота. От этого звука даже у меня по спине пробежал мороз. — Еще раз ты появишься на этом этаже. Еще раз я услышу, как ты повышаешь на нее голос или стучишь в эту дверь… И тебе понадобится очень хороший стоматолог. А потом — хирург, чтобы собрать тебе пальцы. Ты меня понял?

Вадим побледнел. Вся его пьяная бравада мгновенно испарилась, оставив только жалкую, трусливую суть. Он сглотнул, вжимаясь в стену тамбура.

— Да пошли вы… оба, — пробормотал он, отводя глаза. — Нужна мне эта истеричка.

Он боком, словно побитая собака, шмыгнул к лестнице и торопливо зашагал вниз.

Илья стоял на пороге, пока шаги не стихли. Затем он развернулся, зашел в квартиру и спокойно закрыл дверь, два-

жды провернув ключ в замке.

В коридоре повисла оглушительная тишина.

Меня колотило. Адреналин, ударивший в кровь, теперь стремительно отступал, оставляя после себя мерзкую слабость. Колени подгибались. Я прислонилась спиной к дверному косяку, обхватив себя руками, и судорожно втягивала воздух, пытаясь не расплакаться. Стыд за то, что Илья стал свидетелем этой грязи, выжигал меня изнутри.

Илья подошел ко мне. Он не стал говорить дежурные фразы в стиле «всё хорошо» или «успокойся». Он видел, что ничего не хорошо.

Он остановился в полушаге. Медленно поднял руки и бережно, почти невесомо положил их мне на плечи. Тепло его ладоней сквозь ткань футболки стало тем самым якорем, который удержал меня от истерики.

— Дыши, Лера, — тихо сказал он. — Глубокий вдох. Давай.

Я послушно, со всхлипом втянула воздух. Пахло его парфюмом — чем-то древесным, с легкой ноткой табака. Запах безопасности.

— Вот так. Всё закончилось, — его большие пальцы мягко погладили мои ключицы, снимая спазм. — Он больше не придет. Я тебе обещаю.

Я подняла голову. В его темных глазах не было ни капли насмешки или жалости. Только абсолютная, непоколебимая уверенность и что-то еще. Что-то горячее, от чего у меня

перехватило дыхание.

Мы стояли в полутемном коридоре, освещенном только желтоватым светом из комнаты. Его руки на моих плечах стали тяжелее. Взгляд снова скользнул к моим губам. Напряжение, прерванное Вадимом, вернулось — густое, осязаемое, бьющее током по нервным окончаниям.

Я чуть подалась вперед, чувствуя, как меня неумолимо тянет к нему. Илья шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Его рука скользнула с моего плеча на затылок, пальцы зарылись в волосы. Он склонился, почти касаясь моих губ…

Но вдруг замер.

Он закрыл глаза на секунду, словно борясь с собой, а затем медленно, с видимым усилием, отстранился.

— Тебе нужно отдохнуть, — его голос звучал глухо и хрипло. Он опустил руки. — Ты напугана и вымотана. Я не хочу, чтобы это было так. На адреналине.

Я моргнула, чувствуя одновременно и укол разочарования, и огромную благодарность. Он не пользовался моей уязвимостью. Он уважал мои границы больше, чем я сама в этот момент.

— Спасибо, Илья, — прошептала я. — За всё.

Он коротко кивнул, подошел к своим инструментам и подхватил кейс.

— Закрой за мной дверь. И ложись спать. Завтра будет новый день.

Если бы я знала, каким будет этот новый день, я бы пред-

почла вообще не просыпаться.

Утро выдалось серым и слякотным. Я ехала в метро, прижимаясь лбом к холодному стеклу, и чувствовала себя на удивление живой. Несмотря на вчерашний инцидент, внутри зрела крошечная, робкая надежда. Трещина в стене зашита. Бывший выставлен за дверь. В квартире пахнет чистотой. И Илья… От одного воспоминания о его горячих руках на моих плечах по телу разливалось тепло.

Я подошла к нашему цветочному магазину без пятнадцати восемь. Владелица, Зоя Викторовна, жесткая, вечно недовольная женщина с обесцвеченными волосами, уже стояла на крыльце. Она нервно курила, глубоко затягиваясь, и сверлила меня бешеным взглядом.

— Здравствуйте, — я ускорила шаг, чувствуя, как внутри ворочается нехорошее предчувствие. — Что-то случилось?

Она не ответила. Просто развернулась и пошла внутрь, бросив через плечо: — Зайди. Посмотри, что случилось.

Я шагнула в торговый зал и замерла.

В нос не ударил привычный резкий холод и аромат свежесрезанных стеблей. В магазине было душно. Тепло. И пахло… смертью. Это был удушливый, сладковато-гнилостный запах увядающих цветов и прелой воды, который ни с чем не спутаешь.

Не было слышно ровного, монотонного гула промышленных холодильных установок. Стояла мертвая тишина.

Я на ватных ногах подошла к огромной стеклянной каме-

ре, занимавшей половину зала. Сердце ухнуло куда-то в желудок.

Внутри, в десятках вазонов, стояли мертвые цветы.

Огромная, эксклюзивная партия. Элитные голландские пионы, чьи лепестки пожелтели и осыпались на пол. Французские розы, превратившиеся в жалкие, поникшие коричневые тряпочки. Охапки дорогой гортензии, которая просто сгнила, покрывшись слизью. Всё, что мы привезли вчера вечером под крупные предзаказы. Тысячи стеблей.

Они просто сварились в наглухо закрытой камере без охлаждения.

— Господи… — вырвалось у меня. Я прижала ладони к стеклу. — Как? Пробки выбило?

— Пробки? — Зоя Викторовна подошла ко мне вплотную. Ее лицо пошло красными пятнами ярости. — Пробки, Лерочка, выбивает случайно. А здесь кто-то ночью вскрыл заднюю дверь на складе, подошел к щитку и целенаправленно перерезал силовой кабель.

Она ткнула пальцем в сторону подсобки.

— Камеры… — пролепетала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — У нас же камеры на черном входе.

— О, камеры всё прекрасно записали, — зловеще прошипела владелица. — Иди сюда.

Она схватила меня за локоть и потащила за кассу, где стоял монитор видеонаблюдения. Щелкнула мышкой, запуская видео.

Черно-белое изображение с камеры на заднем дворе. Время: 03:15 ночи. В кадре появляется мужская фигура. Человек идет уверенно, надвинув капюшон толстовки глубоко на лицо, так что черт не разобрать. Он ломом вскрывает хлипкую дверь, исчезает внутри на пару минут, а потом выходит.

Я смотрела на экран, и в груди расползался ледяной, парализующий холод.

Я не видела лица. Но я видела куртку.

Темно-серая рабочая куртка. С широкой светоотражающей полосой на спине. И с характерным прямоугольным шевроном на левом плече — логотипом в виде стилизованного гаечного ключа и домика.

Точно такая же куртка висела вчера на моей стремянке. Точно в такую же куртку был одет Илья в ту ночь, когда спасал меня от потопа. Я помнила каждую строчку на ней, потому что она пахла им.

— Узнаешь? — голос Зои Викторовны ударил по барабанным перепонкам. — Вчера, когда ты заканчивала смену, ты кому-то звонила и громко обсуждала, что на ночь привезли партию на полмиллиона. А потом я вижу вот этого красавца.

— Это не… этого не может быть, — я попятилась от монитора. В ушах стоял белый шум. Воздуха катастрофически не хватало.

— Значит так, Лера, — Зоя Викторовна сложила руки на груди. — Либо ты сейчас вызываешь своего дружка, и вы вместе возмещаете мне ущерб, либо я звоню в полицию, от-

даю им запись и пишу заявление на тебя как на наводчицу. Выбирай. Сумма ущерба — пятьсот восемьдесят тысяч рублей по закупочным ценам.

Пятьсот восемьдесят тысяч.

Я закрыла лицо руками. Перед глазами стоял Илья. Его горячие руки. Его спокойный голос: «Я тебе обещаю».

И куртка с гаечным ключом на плече, мелькающая на черно-белом экране.

Глава 5. Скрытые дефекты

Я не помню, как доехала домой. В памяти остались только разрозненные, тошнотворные фрагменты: стук колес в метро, бьющий по вискам, мое собственное искаженное лицо в темном стекле в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.